

Социалистическая индустрия

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Дмитрий ЖУРАВЛЕВ:

«ПЕРЕДАТЬ ВОЛНЕНИЕ ЗАЛУ...»

Я возню чудное мгновенье, Передо мной явилась ты...

Знакомые строки, а слышишь их словно впервые... Читает народный артист республики Дмитрий Николаевич Журавлев. Потом долго аплодируют, несут цветы. Может быть, сегодня некоторым из зрителей он впервые открыл Пушкина...

А я вспоминаю слова народной артистки республики С. Г. Бирман о Журавлеве: «Обратите внимание на этого актера, у него каждое слово на корню».

— Иногда спрашивают: зачем вообще художественное слово? Зачем читать с эстрады всем давно знакомое? Ведь есть книги...

— Книжки-то есть! Их читают, но как? Часто «глотают», упуская многое из того, что писателю так важно было сказать нам. Нередко текст воспринимается избирательно — что-то созвучное настроению осталось в памяти, что-то ушло. Слово значащее имеет свою силу. Ведь прочитанное артистом — это им раскопанное, им прожитое, проработанное до глубины. Не только слово писателя — свое понимание этого слова несешь людям...

Знаете, какова реакция зала, который слушает рассказ Чехова «Дама с собачкой»? Сначала всем все понятно: легкий южный роман, и зал слушает спокойно. А когда начинается о великом, редком дару любви — в первые моменты ощущаешь недоумение, озабоченность зала. Но я верю в Чехова! Великий талант его заставляет людей остро почувствовать красоту преображения человека, которая дается истинной любовью. Как только ни толковали «Даму с собачкой»: то как банальную курортную интригу, то как слезливую историю о несчастных влюбленных. А ведь это рассказ о чуде любви!

Как-то пришел ко мне за кулисы солидный седой человек. «Теперь мне ясно, — сказал он, — я проглядел тогда свою даму с собачкой. Это была любовь, а я не поверил ей и не поехал в свою

Самару. Только сегодня все понял... Да поздно».

Не забыть и еще одного человека. Было это в Махачкале. Он пришел за кулисы на другой день после чтения композиции из «Войны и мира». «Я в войну потерял всех близких, совсем пал духом, — сказал он. — Много ночей уже не сплю. Сегодня тоже не спал. Но это другая бессонница. Я думал: а может быть, и на мне все-таки вырастут новые листья, как на том дубе, который весной возродился перед глазами Андрея Болконского!»

Что может быть ценнее для исполнителя, чем такие раздумья слушателя, чем понимание: кого-то ты убедил своим исполнением, что произведения большой литературы надо постигать снова и снова!

— А люди нередко инстинктивно читают только в юности. Потом — работа, заботы о семье.

— И навсегда человек остается со школьным представлением о Пушкине и Толстом. Но ведь глубины Толстого по-настоящему открываются лишь зрелому уму. А Пушкин! С годами он воспринимается совсем по-иному. Вообще, думая о литературе, я всегда жалею, что слишком коротка жизнь человека, чтобы познакомиться со всеми богатствами мировой литературы. А бывает, послушал человек оперу Чайковского «Пиковая дама» и считает, что познакомился также и с пушкинской драмой. А ведь Пушкин написал совсем не о том, что стало главным в опере. И тем не менее власть оперы велика.

Кстати, работая над «Пиковой дамой», я тоже сначала шел от Чайковского, романтизировал образ Германа. Война отрезвила меня. Эта жестокость порядка — Москву бомбили ровно в назначенное время, ни минутой позже, — эта холодная расчетливость убийц объяснила для меня Германа пушкинского. Я понял: нет, не романтический герой передо мной, а новоявленный маленький Наполеон эпохи стяжательства, эпохи капитала.

Мысли мои подтвердил как-то курьезный случай. Однажды почтенный профессор, прослушав «Пиковую

даму», пришел за кулисы, поблагодарил и спросил: «А где вы взяли этот изумительный вариант повести?». «Я читал, Пушкина, — ответил я, — ничего не убавил и не добавил». Просто он помнил только оперу.

— Дмитрий Николаевич, что больше всего волнует вас как мастера художественного слова?

— В моей работе выделяются три основные, интересные мне темы. Тема чуда творчества. Этой еще никем не раскрытой тайны — да и можно ли раскрыть ее? С радостью читаю об этом: «Певцы» Тургенева, «Египетские ночи» Пушкина. Еще тема любви преображающей, поднимающей над бытом, над повседневностью. Отсюда — выбор чеховской «Дамы с собачкой», его рассказа «О любви». Маленький человек — одна из главных тем в нашей классической русской литературе очень близка и мне. Много лет читаю пушкинский «Медный всадник», и неизменно волнует меня судьба Евгения. Стремлюсь, жажду передать это волнение залу.

Еще вот о чем. Чтец должен постоянно расширять свою аудиторию, включать все больше зрителей в радиус своего действия. Теперь в этом прекрасно помогает телевидение. Я не люблю читать в больших залах, просто боюсь их, теряю в них самообладание. А у микрофона, перед камерой чувствую себя легко и свободно, словно веду разговор по душам с рядом сидящим человеком. Очень люблю читать по телевидению: меня вдохновляет мысль, что в самые далекие уголки страны я несу Пушкина, Чехова, Толстого.

— Дмитрий Николаевич, профессионального чтеца называют мастером художественного слова. Вероятно, чтец все-таки не сразу мастер? Как, например, вы почувствовали себя мастером? Когда?

— У каждого, конечно, свое отношение к этому званию. Для меня важно было мое собственное самочувствие. Помню, уже давно меня называли мастером, а мне казалось — рано. И вот как-то в послевоенные годы я чи-

тал «Пиковую даму» на заводе «Динамо». Читал в цехе. Слушали в такой тишине, какая редко бывает даже в концертном зале. Потом аплодисменты и голос одного рабочего: «Вот уж когда мастер, так оно и видно, что мастер».

«Ну вот и приобщили меня к цеху мастеров», — подумал я тогда. Но нужно всегда помнить, что мастерство — не застывшее состояние. Звание мастера дает мне не только удовлетворение, но еще и ощущение повышенной ответственности за свою работу. Мне всегда удивительно, как еще совсем незрелые чтецы берутся за труднейшее из классики. Лирнику Пушкина, например, я начал читать только в зрелом возрасте. Но и сейчас, мне кажется, нахожусь где-то в альпийских лугах его поэзии и бесконечно далеко еще от вершин. Вот, например, одно из любимых и труднейших: «Я помню чудное мгновенье». Что это? Возвышенная молитва красоте? Эмоциональный взрыв? Как идти к этому? Набирать и набирать во всех смежных областях искусства, потому что знаний никогда не бывает достаточно.

— Известно ваше увлечение живописью. Помогает ли вам в творчестве изобразительное искусство?

— Живопись я люблю страстно. Очень многое дорого мне здесь. Из художников ближе всех Сезанн, из старых мастеров — Рембрандт. Много люблю из русской живописи. Не представляю, кстати, как я читал бы свою любимую «Кармен» Мериме, если бы не знал суровых красок, остроты Гойи, сухого великолепия портретов Веласкеса, не любил бы полотен Риберы.

Тот, кого люди зовут мастером, всегда имеет учеников. Каждый настоящий мастер обязательно вырастит новых мастеров. В большой ответственности перед искусством художественного слова Журавлев учит молодых. Он преподает в театральном училище и постоянно занимается с чтецами филармонии. Дочь Дмитрия Николаевича Наталья Журавлева — артистка театра Ленинского комсомола и чтица филармонии.

Рассказывают на Востоке мудрую притчу: «Жизнь дает человеку три попытки — воспитать себя, воспитать сына, воспитать внука». Как горьки дни человека, если видит он — не удалась все три попытки, жизнь прошла впустую. Но как счастлив, наверное, бывает он, если в пору, когда в расцвете его мастерство, он видит — удалась уже и вторая попытка.

В большом зале Ленинской библиотеки тишина. Читает Наталья Журавлева. Я смотрю на Дмитрия Николаевича и понимаю: вижу понастоящему счастливого человека.

Г. СНИТОВСКАЯ.